

Тимур Нигматуллин

Я не вру, мама

Повесть

Глава 1. Первым врать нельзя

— Тоже съется? — толстая, с повязанной на плечах шалью женщина посмотрела на мою маму. — Сколько лет?

— Восемь, — ответил я, — срусь.

— Ну-ка! — мама дернула меня за рукав, — шесть ему. Шутит. Вы крайняя?

— Вон крайняя, — толстуха поджала губы, превратив их в куриную гузку, и кивнула в сторону сгорбленной старухи, сидящей рядом с кабинетом врача.

Мама, не отпуская мою руку, прошла в центр коридора и присела на лавку.

— Вы крайняя?

— Грызет до мяса. С корнем выгрызает, — ответила старуха, показывая свою руку. На всех пальцах были вырваны ногти, вместо них, словно пережеванные куски сосисок, розовел мясной фарш.

— Не смотри, — закрыла мама мне глаза. — Иди поиграй, пока время есть.

— Так что с вашим-то? — не успокаивалась толстуха, передвигаясь поближе к нам. — Заикается? Мой съется. Достал уже, все в доме мочой провонял. Лоб уже здоровый, по бабам пора, а он мокрит, — сказала она, вплотную подсев к маме. — Ваш тоже подозрительный какой-то! Небось, по буху его?

— Слушайте! — вскипела мама. — Что вам надо?

— Ничего, — обиделась толстуха и вновь превратила свое лицо в куриную попку. — Тоже мне, секреты от своих. Вы, видать, из этих — из интеллигентов. Всё хотите чистенькими остаться. Не выйдет!

— Вашего бьют, — сказал я и указал на окно. — Слышите, плачет?

— Где? — толстуха мгновенно соскочила со скамьи и рванула к выходу. За ней, согнувшись, поплелась старуха с таким обреченным видом, что мне стало не по себе. Я таких коров у отца на мясокомбинате видел: в глазах слезы, понимают все, но идут...

Тимур Нигматуллин родился в Целинограде в 1980 году. Окончил школу и железнодорожный техникум в Акмоле. Работал в Астане на ж.д. станции. Посещал режиссерские курсы в Алма-Ате и исторический факультет МГУ в Москве. Учился в Испании в школе «Сервантеса». Закончил литературные курсы «Литпрактикум» И.Одегова, лауреат премии «Шабьт». Печатался в журнале «Дактиль» (Казахстан). Живет в Нур-Султане. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Толстуха, вернувшись, тяжело задышала:

— Что он врет у вас постоянно-то? Никто там никого не бил. Ты чего врешь взрослым? То восемь лет, то кусают Димуся моего. Играются они спокойно с Алисой.

— Иди тоже поиграйся, — строго сказала мама. — Далеко только не уходи.

Я рванул на улицу. Навстречу мне плелась старуха с точно таким же видом, как и уходила. К смерти, что ли, готовится, подумал я и вышел во двор.

В песочнице под навесом копошились Димуся и Алиса, строя то ли замок, то ли крепость. Разницу между этими строениями я особо не понимал. И там и там — башни, стены, бойницы. Дядя Наум говорит, что у многих вещей в этой жизни разница только в названии, а по сути это одно и то же. Пример привел еще. После этого примера со мной Бабай не разговаривает, мол, я его, коммуниста и ветерана войны, к фашистам приравнял. А это не я, это дядя Наум.

— Что строите? — спросил я, присаживаясь рядом с Алисой.

— Тюрьму, — сухо ответила она и, зачерпнув лопаткой горсть песка, прилепила ее к стене.

— А кто сидит?

— Людоеды, — сказала Алиса. — Других съели.

Я с интересом разглядывал девочку. Белые колготки, сандалии с цветочком на застежке, на голове алый бант. Лицо худое, сжатое до остроты. Сидящий рядом Димуля, наоборот: одутловатый, с густыми бровями и мощным лбом увалень. В сказках таких, как он, барскими сыночками называют.

— Тебе сколько лет? — спросил я Алису.

— Семь, — ответила она и пристально уставилась на меня. Изучив лицо, она опустила глаза ниже и, остановившись на моих руках, застыла. Я заметил, как уголок ее рта чуть скривился, оголив нижние зубы, и тонкая струйка слюны протекла на песок.

— Алиса, — тихо раздался голос над нами, — нам пора. Старуха погладила ее по голове и, выдергивая девочку из оцепенения, слегка толкнула в плечо. Алый бант качнулся в сторону, Алиса вновь подняла на меня глаза и, словно пережевывая что-то, сглотнула слюну. — Папа ждет. Пошли.

Мы остались в песочнице вдвоем с Димулей. Оказалось, что ему десять лет. Лепить крепость он не умел, только рисовал на песке солнце, утыканное частыми лучами. Солнце он выводил неровно. Круг переходил в овал, и это больше смахивало на сороконожку, застрявшую в песках.

— Говорят, я идиот, — улыбнулся Димуля. — Мама говорит, что пенсию мне должны давать. А на пенсию можно в Боровом купаться часто. Ты тоже за пенсией? Я пожал плечами.

— Мама говорит, что я в папу такой. Тот тоже идиот. Только ему пенсию не платят. У тебя есть папа?

— Есть, — сказал я. — На мясокомбинате работает.

Димуля, дорисовав солнце-сороконожку, принялся просто тыкать веткой в песок, оставляя за собой дырявое песочное поле. Тыкал он монотонно, продавливая глубокие ямки и переходя лесенкой на другой ряд.

Мне наскучило сидеть рядом, и я решил прогуляться по территории больницы. Ограждал здание высокий, с острыми железными прутьями забор. Я попробовал перелезть, но после третьей безуспешной попытки решил, что исследование длины забора тоже занятие для настоящих следопытов, и двинулся в сторону дальней сторожки, маячившей в конце тропинки.

Здание больницы оказалось ровно вдвое меньше, чем длина забора, зато за ним стояло точно такое же двухэтажное строение из серого кирпича. На синей вывеске была выведена цифра «3». Разграничил здания ряд цветочных клумб. Обойдя двухэтажку, я оказался во внутреннем дворике, в центре которого вместо песочницы находилась

квадратная сетка, похожая на баскетбольную площадку. Внутри сетки цепочкой друг за другом ходили взрослые мужики, одетые в полосатые костюмы. Я подошел вплотную к сетке и протянул палец в ячейку.

— Куда, пацан! — раздался крик со стороны сторожки, и в тот же самый момент я почувствовал, как чьи-то руки схватили меня за палец и, притянув к сетке, взяли за волосы так крепко, что я не мог и шелохнуться, впечатавшись в ограждение всем лицом. Дальнейшее я помню смутно. Напротив моих глаз раскрылась пасть, обдав меня зловонием, и сквозь гнилые корешки развалин зубов вспыхнул толстый, раздваивающийся на две змеиные части огонь. Пламя лизнуло меня по щеке и заскользило выше, выдавливая правый глаз.

— Агата держите, суки! Угандошу! — последнее, что я услышал, перед тем, как потерять сознание.

...Мама наклонилась надо мной и плакала.

— Опять ты в беду попал.

— Хорошо, успели, — вытирая от крови руки, сказал стоявший рядом с мамой санитар в белом халате. — Там буйных выводят. Им таблетки дают. Голод постоянный. Жрут все, что видят. Смотрите, осторожней тут.

Я огляделся. Внутри сетки уже было пусто. Лишь разорванные клочья одежды валялись вдоль ограды и чья-то кровь густо залила асфальт.

— Ты меня опять напугал, — сказала мама, вытирая слезы. — Обещай больше не лезть куда глаза глядят.

— Обещаю, — сказал я и соскочил с лавки. — А где Димуля с Алисой?

— Положили их. Пошли, наша очередь.

В кабинете детского психотерапевта было скучно. Из интересного только молоток, которым он трижды ударил меня по коленке, и я, чтоб его не обидеть, взмахнул ногой дважды. Врач сказал, что его зовут дядя Анатолий Иванович, можно дядя Толя, и протянул мне конфету.

— Диатез, — сказал я.

— Правда? — спросил маму Анатолий Иванович.

— Сочиняет, — вздохнула мама. — Поэтому к вам и пришли.

— И часто он так? — врач стал записывать что-то в тетрадь.

— Постоянно. Правды я от него никогда не слышала. И в кого только такой.

— Дядя Наум говорит, что в Горбачёва.

Анатолий Иванович поднял глаза сначала на меня, затем взглянул на маму, чему-то усмехнулся и вновь продолжил свои записи. Закончив их, он закрыл тетрадь и, покрутив ручку в руке, спросил:

— Ложиться вместе с сыном будете?

Мама вздрогнула.

— Иначе никак, — убедительно сказал Анатолий Иванович. — Надо, пока не поздно, его в реальность вернуть. Он верит в то, о чем врет. Это опасно. Дядя Наум — это кто?

— Сосед. Алкаш. Но спокойный, — с какими-то нотками надежды произнесла мама, как будто то, что сосед — алкаш, но спокойный, могло решить мою судьбу в этой больнице. — Он к нему часто в гости ходит, когда мы с мужем на работе. Точно ложиться надо?

— Ты зачем к больным в клетку полез? — перевел разговор Анатолий Иванович. — Еще чуть-чуть, и разорвали бы тебя на кусочки. Там, знаешь, кто только не лежит. Ты с Алисой в песочнице играл?

— Нет, — удивился я тому, откуда этот лысый, словно коленка, врач знает про песочницу.

— Вот отсюда все видно, — показал Анатолий Иванович на окно. — Да и она

говорила, мальчик в матросском костюме красивый и пальцы красивые у него. Что скажешь?

Самое противное, когда припирают к стенке с двух сторон. В окно меня видел. Алиса сказала. Но правда еще противней, когда она к тому же и не твоя.

— Не играл, — отвернулся я от Анатолия Ивановича, — она играла.

— Ааа. Философ значит. Ну-ну. Дело не в этом. Ты ее бабушку видел? Не отвечай. Знаю. Не видел. Так вот. Старуха та, с ногтями вырванными, Алисой изъедена. И на ногах такая же история. Это Алиса во вкус входит. Тренируется, так сказать. А после полностью сожрет. Разделает или живьем загрызет — этого пока сказать не могу. Но то, что будет — факт!

— Да что ж вы ребенку такое? — воскликнула мама. — Вы что?!

Анатолий Иванович строго посмотрел на нее, потом снова на меня.

— Выхода два у тебя. Или врать пересташь, или с такими, как Алиса, лежать будешь. Димуля тоже рядом с тобой окажется. Только мочится он не под себя, а на других. Весело?

Мама, вытаращив глаза, смотрела на врача и молчала.

— Ну, что скажешь? — спросил Анатолий Иванович, выдержав паузу. — Выбирать тебе.

Я посмотрел на маму. Она стала цвета мела, который я кушал по утрам в садике, тыря его с доски.

— Ложусь тогда, — сказал я и сжал кулаки.

— Врет? — спросил врач маму.

— Врет, — еле выговорила мама и стала собирать мои вещи. — Значит, можем идти?

— Вот это ему давайте по вечерам. Ничего страшного. Травяные отвары, — сказал Анатолий Иванович и протянул маме бумагу.

На выходе мама чуть задержалась и, обернувшись, спросила.

— Дядю Наума изолировать?

— Зачем? — удивился врач. — Пусть ходит. Ко мне через месяц. Посмотрим, что получится. Давай, читать учись, — подмигнул мне Анатолий Иванович и протер свою голову носовым платком.

Дома, перед сном, мама протянула мне какую-то горькую жидкость, пахнущую полем. На поверхности отвара плавали мелкие оранжевые лепестки.

— Как называется? — спросил я маму.

Она прочитала название на лекарственной коробке.

— Календула, или ноготки.

— Так ноготки или календула?

— Тебе что больше нравится? — погладила меня мама по голове. — То и выбирай.

Я посмотрел на свои пальцы.

— Ноготки, наверное.

— Не врешь? Помнишь, что дядя доктор сказал?

— Не вру, — ответил я и, пожелав спокойной ночи, укрылся одеялом.

Ночью через стенку орал дядя Наум, призывая Горбачёва называть вещи своими именами.

Глава 2. Фетровые облака

Квадратная мусороуборочная машина с огромным красным транспарантом, закрепленным вдоль кузова, шла перед колонной. Люди с праздничными бантами, плакатами, портретами, флагами и цветами тянулись за ней, подстраивая свой шаг под движение «мусорки». Сначала шли красиво, не ломая строй по краям, тянулись друг

за другом ровные колонны. Митингующие то и дело, словно по чьей-то указке, одновременно поднимали руки вверх и махали ими, выкрикивая лозунги и заготовленные речевки. Со стороны главной площади фоном доносилась музыка, и я, сидя на плечах дяди Наума, тоже поднял руки вверх и заорал:

— Мир. Труд. Май! Слава КПСС!

Дядя Наум, не сбавляя шаг, снял меня с плеч и, держа за подмышки, сказал:

— Сейчас отцу с матерью отдам! Вон за трактором шагают.

Я посмотрел на колонну, идущую прямо перед нами, и заметил отца — он нес в руках огромный портрет с Лениным. Владимир Ильич, похожий на черную головешку, вырывался из алого пламени мирового костра. Портрет был выполнен на шелке, алое пламя колыхалось на ветру, и головешку постоянно затягивало обратно в костер, не давая ей окончательно потухнуть.

— Не буду больше, — пообещал я дяде Науму и попросился снова на плечи.

Колонна свернула с улицы на главную площадь и, обогнув фонтаны, вышла к городской трибуне, на которой стояли дядьки в серых плащах и фетровых шляпах. Я замахал им пучком гвоздики.

— Мимо президиума, — раздался из динамиков красивый твердый мужской голос, — шествует колонна конструкторского бюро «Целинпрогресс». Работники этого бюро неоднократно побеждали во всесоюзных конкурсах и состязаниях. Разработанный ими аппарат усиленного доения признан наиболее успешным в данной области сельского хозяйства и животноводства. Удои молока уже в этой пятилетке будут удвоены! Ура, товарищи!

Наша колонна вздрогнула и, повернув голову в сторону президиума, выкрикнула троекратное ура. Дядьки в фетровых шляпах вяло помахали нам в ответ, о чем-то переговариваясь между собой. Музыка сменилась на «Утро красит нежным светом...», и диктор объявил следующих работников производства, пришедших в этот день поздравить президиум.

Обернувшись назад, я увидел ползущий в глубине колонны красочный макет комбайна, сделанный из фанеры. Комбайн ехал задом наперед и постоянно уходил в сторону президиума. Его поправляли на ходу, подталкивали руками, не давая сбиться с пути окончательно.

— Хлеборобы, — голос из динамика возвышенно произнес это слово, — наши заслуженные первоцелинники! Наша опора и надежда! Обещания, данные на сбор более ста центнеров с гектара, — выполнены! Целинная пшеница в очередной раз доказала свое превосходство! Ура, товарищи!

— Ура! — заорали хлеборобы и, поднимая руки вверх, замахали искусственными рыжими колосьями пшеницы. В этот момент комбайн рухнул! Строй сбился. Идущие следом труженики уперлись в него, и он под давящей массой пополз в сторону трибуны. Полз он красиво. Передняя часть, там, где должна была быть жатка, оказалась сзади, и она, разваливаясь на глазах, тащилась, словно подбитый танк, прямо на людей в фетровых шляпах. Комбайн по инерции понесло юзом, из него поочередно выбегали комбайнеры. В руках у них, как у танкистов, выпрыгивающих из горящего танка, были зажаты граненые гранаты.

— Добухались, — весело сказал дядя Наум. — Их там десять человек шло. Литра три вылакали, небось.

Комбайн, не дотянув метра два до президиума, окончательно остановился, подбежавшие к нему на помощь люди вытащили из-под обломков за ноги двоих мужиков. Люди в фетровых шляпах сбились в кучку и стали похожи на стайку голубей, к которым крадется кошка.

— «Нива 5», — как ни в чем не бывало, продолжил голос из динамиков, — легендарный комбайн. Только в этом году силами «Целинмаша» были собраны

средства для помощи голодающим Анголы на сумму более двух миллионов рублей! Ура, товарищи!

Товарищи хлеборобы вяло ответили на этот призыв и, собирая на ходу развалины комбайна, прошагали мимо. Музыка сменилась на «Прощание славянки». Наша колонна вышла за пределы площади и рассыпалась на кучки.

— Таньку с Сельмаша не видел? — курчавый тип с красным бантом на лацкане пиджака поздоровался с дядей Наумом. — С утра не могу поймать.

— Не прошли еще, — сказал дядя Наум. — За комбайном идут.

— Твой? — курчавый поднял голову на меня. — Чет совсем не похож. Цыган как будто!

— Соседей награждать будут! Меня попросили присмотреть. Вы где собираетесь?

Курчавый махнул рукой в сторону девятиэтажного Центрального универмага, возвышающегося рядом с площадью:

— В скверике. За ним. За сиренью, в общем. Приходи. Таньку дождусь — и туда.

Дядя Наум молча развернулся и зашагал к универмагу. Отстояв длинную очередь за мойвой, лимонадом и батоном хлеба, мы пошли в сиреневый сквер. По пути то и дело попадались знакомые, которые обязательно спрашивали друг у друга, кто где будет отмечать. Сиреневый сквер, яблочные доли, вишневые запруды, каменный водопад вперемешку звучали из уст встречаемых. Пару раз дядя Наум менял маршрут, мы уходили то в сторону Ишима, то, наоборот, брали курс на вокзал, но в итоге сирень победила.

— Она ближе всего, — сказал дядя Наум, присаживаясь на лавочку, — смотри, не грохнись. Крепче держись.

Голова у дяди Наума гладкая, словно бильярдный шар. Держаться я могу только за уши, оттягивая их в разные стороны.

— Оторвешь если — глухой буду, — заметил он и, достав из внутреннего кармана бутылку, откупорил, — когда ты лимонада будешь просить — не услышу.

— Понял, — рассмеялся я, чуть сбавляя силу натяжки. — Одному пить нельзя! Помнишь, врач что сказал? Кто один пьет, тот алкаш.

— Это они все коллективное хотят, — наливая в стакан, пробормотал он, — бессознательное. Чтоб все стадно было. Раз один — значит, не порядок! Значит, что-то себе на уме держит. Надо вместе, чтоб думать не мог. Давай держись крепче, — он чуть наклонился назад. Я схватился сильнее за уши и, держась за них, рассматривал небо. Голубое, с плывущими островками воздушной ваты, оно на секунду застыло передо мной, и вновь картинка, словно калейдоскоп, вернула меня к кусту сирени.

— Его кушать можно? — протянул я руку к кусту и сорвал небольшой цветочек. — Люди едят?

— Люди все едят, — разворачивая кулек с мойвой, ответил дядя Наум. — Будешь?

— Нет, — сморщился я от запаха мелкой вонючей рыбы, — гадость же. Я вот не все ем. Лук не ем, чеснок вареный, вот эту рыбу соленую тоже не ем.

— На то оно и детство. Выбирать еще можешь. А как взрослый станешь — все! Выбора не будет. Что в продаже есть, то и берешь. А будешь нос воротить, то и того не получишь. Держись!

Картинка мира вновь сменилась и, разглядывая небо, я успел заметить, что одно облако похоже на фетровую шляпу, как у людей с трибуны. Шляпа плыла одиноко, в стороне от других облаков, которые тянулись чуть ниже.

— Можно, — занюхивая рыбой, наконец ответил дядя Наум. — Когда ешь, смотри только — как пятилистник попадется, мне дай!

Сорвав ветку сирени, я стал пожирать цветочки, предварительно рассматривая их.

Сиреневая роща потихоньку заполнялась людьми. Со стороны площади приходили, кучками и поодиночке, празднично одетые митингующие. Мужчины шли в костюмах.

На женщинах были платья. Зачем они надели платья, когда на улице прохладно, я слабо понимал. Наверное, для того, чтоб мужики, сняв пиджаки, накинули их на своих спутниц. В этом была логика, но красота сбивалась. Сидящие на лавках женщины в мужских пиджаках становились похожими на куриц. Сутулились и кутались. К тому же цветастые юбки выбивались из-под серых пиджаков, и становилось вообще похоже на замерзших кентавров, ожидающих огня. Я выделил для себя двух кентавров с явно выраженным конским началом. Они чересчур громко хихикали и постоянно курили.

Дядя Наум налил себе третий стакан и уже без мойвы выпил его, я вновь увидел небо и, не заметив на нем изменений, заскучал.

— Мы так и будем одни тут отмечать? — спросил я. — Совсем не весело.

— Щас, — многозначительно ответил мой носитель и завертел головой по сторонам. — Одни в гробу только лежать будем, да и то если за забором похоронят. Серго? Ты ли это? Дорогой! — он замахал рукой толстому мужику, который веселил двух кентавров на соседней лавочке.

Серго обернулся на крик и, узнав в дяде Наума своего друга, совсем не радостно крикнул в ответ:

— С первым мая!

— Мама, — сострил дядя Наум, прихватывая с собой кулек мойвы. Я успел сорвать еще одну ветку сирени и, словно падишах, катающийся на слоне, водил ею по лысой башке дяди Наума.

Поздоровавшись с Серго и его спутницами, тетей Раей и тетей Фаей, мы стали вливаться в их коллектив:

— Вливаемся, — улыбнулся дядя Наум и, достав недопитую бутылку водки, поставил ее под лавку. — На стол! — он, помахав мойвой, аккуратно разложил кулек. Я тоже изобразил участие в общем деле, протянув ветку сирени сразу двоим тетям.

— Кавалер, — захихикали они. — Твой?

— Муратовых. Их сегодня телевизором награждают. Меня попросили присмотреть.

— Так ты нянь! — воскликнула тетя Рая, на которую был накинут пиджак Серго. — То-то я смотрю, еще трезвый. А мы сначала вино.

Сидевшая рядом тетя Фая была без пиджака. Я заметил, как она дважды оценивающе взглянула на дядю Наума, и на третий раз он все-таки, сняв свой пиджак, накинул его ей на плечи, оставшись стоять в одной рубашке.

Вино они выпили быстро. За один присест. Я отломал новую ветку и, отрывая с нее цветки, считал количество лепестков. Попадались одни четырехлапные.

— Так вы что там за аппарат удоа изобрели? — Серго, составив четыре граненых стакана в один ряд, разлил водку. — Как может в два раза больше тянуть?

— А вот так, — расхохоталась тетя Рая, наклонившись чуть вперед и потрясла своей сиськой. — Я тоже могу!

— Рая, — одернула ее тетя Фая, — совсем, что ли. Тут же дети.

— Дети? — осоловело посмотрела по сторонам тетя Рая. — Где дети?

— Выше глянь, — подсказала ей тетя Фая. — На ученом кто сидит?

— Аааа... Так он знает уже все! Да? Знаешь? — тетя Рая встала с лавки и подошла вплотную к дяде Науму. — Ты же уже взрослый! Видал, как комбайн упал?

Говорила она мне, хотя смотрела на дядю Наума, выходило, что обращалась она все же к нему, а ответил все равно я.

— Видал! Хлеборобы!

— Хлеборобы... итить твою за ногу, — засмеялась тетя Рая. — Да в нашей стране все падает! Да? Верно же говорю? — она резко протянула руку к дяде Науму и схватила его за штаны. — И тут тоже, небось, шатко-валко! Да?

От ее движения дядя Наум резко дернулся и чуть сжался, я едва не слетел с плеч, но в последний момент ухватился за его уши, растянув со всей силы в разные стороны.

— Вот и проверим вечером, — выпрямившись, сказал дядя Наум. — Что падает и где доить.

Они быстро выпили, закусили мойвой, закурили.

— Что он у тебя сирень лопают постоянно? — удивилась тетя Фая. — Как ни посмотрю на него — ест цветы. Голодный, может? Мойву будешь? — она откусила голову рыбешки и протянула ее мне: — С хлебом вкусно, но хлеба нет.

— Спасибо, — ответил я. — Не хочу.

— Держи, пацан, — Серго достал из кармана бублик и сунул его мне под нос.

— Да не голодный он, — сообщил им дядя Наум. — Пятый лист ищет.

— Ааа, — уважительно проговорил Серго. — Ну это дело не быстрое! Еще по одной? Так что за аппарат-то, серьезно? У меня теща в колхозе мучается, может, вынести можно?

— Нет никакого аппарата, — произнес дядя Наум, беря стакан, как микрофон. — В том году нам поставили задачу — разработать механизм для удою. А как ты удои увеличишь, если коровы те же и молоко — точно такое же? Вот как?

— А вот так, — только собралась тетя Рая показать, как это можно сделать, как ее остановила тетя Фая, сидевшая рядом с ней на лавке.

— Не знаю, — честно признался Серго. — Но вы же что-то придумали?

— Придумали, — туманно ответил дядя Наум. — Дояркам тоже поставили план — удвоить. Нам и им. Вот вместе и придумали. Молоко водой бодяжим и все.

— А аппарат?

— Модель 1385 в красный цвет перекрасили да резинки на присоски потолще сделали.

— Молодцы, — радостно воскликнула тетя Рая и залпом осушила стакан. — Вот можете, когда хотите! А когда хотите — хер вас поймешь!

— Рая, — вновь дернула ее за руку тетя Фая, — ну дети же!

— Да пусть идет погулять! Чего он прилип на шее? — возмутилась тетя Рая. — Ты чего, его вечно таскать на себе будешь?

— Нельзя отпускать — сбежит! — сказал дядя Наум и тоже накатил стакан. Пил он уже не запрокидывая голову, и я перестал следить за облаками.

Народу в скверике стало полно. Пришел курчавый тип с Танькой. Покружили по лавкам, выпили на нашей и ушли дальше. Музыка с площади перестала звучать, лишь шум поливальных машин доносился с проезжей части. Город начал готовиться к массовым гуляниям. По скверу прошелся патруль с повязками на руках. Все отмечающие праздник быстро попрятали стаканчики и бутылки и с серьезными лицами стали говорить о чем-то важном:

— Главное сейчас в Москве! — сказал Серго. — Там парад — ого-го! Миллионы людей на площадях. Горбачёв стоит. О перестройке говорит. Говорите со мной, — прошептал он, — чтоб мимо прошли.

Тетя Рая громко икнула. Патруль взглянул на нас.

— С первым мая! — радостно заявил я, протягивая им ветку сирени.

— С первым, — внимательно оглядел нас молодой патрульный и, засунув большой палец за ремень, двинул дальше.

— Прошли, — выдохнул Серго. — На работу сразу катают. Пиво даже нельзя.

— Сухой закон, — напомнила тетя Фая. — Сухари можно.

Все замолчали. И молчали до тех пор, пока не появился шатающийся мужик в разодранной до пупа рубахе. Мужика заносило из стороны в сторону, и он еле держался на ногах.

— Налъете? — присаживаясь к нам, спросил он. — Худо.

— Да какое худо? — удивился Серго. — Едва стоишь!

— Вот, — он достал из кармана сложенный лист бумаги, развернул его и

расстелил на лавке. Затем, опять же из карманов, достал бутылку водки, яблоко и пару конфет. — Давайте! А то худо! Заберут все равно. Успеть бы!

— Ну, давай, — согласился Серго. — А это кто? Из политбюро новый кто-то? — он указал на лежащий лист бумаги с напечатанным на нем портретом. — Не видел раньше по телеку.

— Да хер его знает. Новый, старый, — тяжело задышал мужик. — Выдали на парткоме каждому, сказали нести. Я рамку сломал и для дела оставил.

— На... На... ну этот же наш новый, — узнала на портрете кого-то тетя Фая. — Ну недавно, после русского встал. Насыбаев вроде. Из металлургов, кажется.

— Хер его знает, — разом повторили за мужиком Серго и Дядя Наум и, стукнувшись стаканами, выпили водку.

— Меняются каждые полгода, — занюхивая яблоком, заметил Серго, — запоминай их. Я уже вас не помню, как зовут, а его и подавно забуду.

— Это точно, — горестно сказал мужик. — И я вас не помню! Ну, бывайте! — Он поднялся с земли и, зашатавшись, пошел дальше.

— Давай, — сказал дядя Наум, и тоже засобиравшись домой. Я нарвал еще сирени, устроился поудобней на шее. — Пацана отведу домой и приду. Рая! Вечером не забыла — проверка гидравлики? Ко мне пойдем проверять.

— Не забыла, — глядя куда-то в пол, ответила тетя Рая и снова икнула.

— Пиджак потом заберу, — обратился дядя Наум к тете Фае. — Мигом туда-обратно!

Наш миг растянулся до позднего вечера. Путь домой через празднующий город оказался непростым. Вышли мы вроде бы правильно — в сторону Ишима. Но сразу же свернули в обратную сторону, так как дядя Наум решил зайти к своему другу Жасику. От Жасика мы пошли к Петру. От Петра к Вахе, от Вахи к Алику, и как назло никого из них не было дома. Покружив по району, мы вновь вернулись к скверу с сиренью. На нашей лавке уже никого не было. Серго и две кентаврихи куда-то делись. Лишь портрет лежал на скамье. Я попросил дядю Наума нагнуться и, подняв лист, запихал его в куртку.

Стало темнеть. Сорвав еще три ветки сирени, я стал усиленно пожирать цветы в надежде встретить пятилистник.

Дядя Наум, то шатаясь, то плывя, наконец-то добрался до дому и пришвартовался у подъезда.

— Где вас носило? — закричала мама с балкона. — Ничего доверить нельзя. Попросили же один раз в жизни!

— Я его не потерял, — еле прошептал дядя Наум и, сняв меня с шеи, лег на лавку. — Не потерял!

Быстро заскочив домой, я сунул ветку сирени в карман штанов, и уже на балконе, приделав к палке прищепку, прицепил на нее лист бумаги с портретом. Засунув конец палки между перил, стал внимательно разглядывать оставшуюся ветку.

Мама с кухни звала на ужин.

— Ну... давай... пятилистник... ну где же ты!

— Кушать, — в приказном порядке донеслись до меня слова мамы. — Живо руки мыть.

— Ну, пожалуйста, — доедая остатки ветки, я уже практически потерял надежду встретить его, как вдруг, просчитав четыре листа, увидел — пять!

— Считаю до трех! — уже грозно раздался голос мамы. — А то «Спокойной ночи» не включу!

— Пять, ма! — заорал я и забежал на кухню. — Я его нашел.

— Кого? — удивилась мама. — Кого ты нашел? Ты нас с папой видел в колонне?

— Видел, — сказал я, и ударивший мне в нос запах котлет, тушеной капусты и сладкого компота вывернул мои внутренности наизнанку.

— Ты что ел? — ужаснулась мама и подхватила меня на руки.

...Всю ночь я не отходил от тазика. Утром приехала «скорая помощь», и врач, щупая мой живот, радостно сообщила:

— Ничего страшного! Вот от мойвы по городу отравление — там да. А этот всего лишь сирени переел. Выживет.

От слова «сирень» меня вывернуло вновь, и мама, вытирая бумагами пол, причитала:

— Это ж надо додуматься. Это ж... надо так!

Через день мне стало легче. Я отдал засохший пятилистный цветок сирени дяде Науму, который болел и не вставал с кровати.

— Поможет! — протянул я ему листок. — Волшебный!

— Спасибо. Друг! — вымученно улыбнулся дядя Наум. — Теперь уж точно поможет! Только в магазин сгонять надо. Сможешь? К Райке... она даст!

— Смогу, — согласился я и, получив от него горсть монет, выбежал на улицу. Ветер, неожиданно поднявшийся с утра, завывал на улице, поднимая пыль с земли, — кружил ею по двору. Среди летающего мусора я увидел лист с портретом, который прицеплял на балконе. Портрет то поднимало вверх, то в падении крутило у самых луж. Пытаясь поймать его, я бегал за ним по всему двору, пока лист окончательно не закрутило и не унесло в небо, по которому плыли фетровые облака.

Глава 3. Донор

Кошка под нашим балконом орет так, что ее вопли слышны даже на другом берегу Ишима. Кошку зовут Сиама, она уже неделю так орет, призывая дядю Наума открыть ей дверь и пустить домой.

— Что ж ты, фашист, ее непустишь? — возмущаются соседи.

— Она провинилась, — отвечает дядя Наум. — Не плодитесь! Как расплодятся — сразу пушу.

— Ненормальный! — крутит у виска тетя Хеба. — Где была твоя мама, когда ты рос?

Дядя Наум уже неделю в запое. После майских праздников его уволили с работы, и он стал тунеядцем.

— Тунеядец, — говорит тетя Таня Пиркина. — Лучше бы из города выгнали.

— А я партию не просил меня из Витебска на целину отправлять! — парирует дядя Наум. — Я бы дома уже давно человеком стал.

— И тут станешь, — мирно говорит моя мама. — Для начала пусти кошку домой.

— Не пушу, — отрезает дядя Наум, и уходит с балкона.

— Алкаш, — говорит тетя Хеба.

— Пропавший человек, — добавляет тетя Таня Пиркина.

— Домой заходи, — зовет меня мама. — У нас совет будет!

Домашний совет назначили на три часа дня. Раздвинули стол, постелили клеенку с фиолетовыми розами и поставили чайник с пиалами. Тетя Хеба принесла хворост. Тетя Таня — сайку с изюмом. Мама разлила чай.

— Он месяц пил этот отвар! — начала мама. — Календулы!

В этот момент в дверь постучали и сразу открыли ее. В квартиру зашли папа, дядя Ставрос Иваниди и дядя Наум.

— Этого зачем? — удивилась тетя Хеба. — Он же синий!

— У него педагогическое образование, — сказал папа и подтолкнул дядю Наума вперед. Тот, пошатываясь, зашел в зал и осторожно присел на диван. Следом за ним, так же пошатываясь, пролез в комнату дядя Ставрос и сел рядом с дядей Наумом. Последним зашел папа. Шатался он так же, как и другие.

— Совет в Филях, — икнул дядя Ставрос. — Кого судим?

— Моего.

— Главное, чтоб не вышка! — мрачно произнес дядя Наум.

— Так! — подскочила со стула тетя Хеба. — А ну отсюда! Живо! — она замахала руками и стала орать так, что кошка Сиама от испуга перестала истошно мяукать.

— Гласности у нас никогда не будет, — воскликнул дядя Наум и потащился к выходу.

— И демократий тоже, — добавил дядя Ставрос.

— Я с ними, — сказал папа и тоже вышел из комнаты. В коридоре они о чем-то быстро договорились и вышли на улицу. Мама разлила в пиалы чай, и совет продолжился.

— И что? — поинтересовалась тетя Таня. — Помогло?

— Врать меньше стал? — тетя Хеба густо намазала сайку маслом и протянула ее мне. — Сколько лет?

— Шесть! — ответил я.

— Как фамилия? — спросила тетя Таня.

— Муратов, — пожал я плечами.

— В школу когда идешь? — спросила меня мама.

— Через три месяца! — словно разведчик-предатель, раскрывал я все карты противнику.

— Кого больше любишь, папу или маму? — неожиданно из-за двери выскочила голова моего друга Коли Иваниди.

— А ну брысь отсюда, — кинула в него тряпку тетя Хеба. — Давай иди, а то и до тебя очередь дойдет.

Кудрявая башка моего друга нырнула обратно за дверь, и я услышал, как футбольный мячик скачет по ступенькам нашего подъезда.

Сколько продлится этот совет, я не знал. Месяц исправно пил настойку от вранья, которую дал мне врач, и пытался говорить правду. Получалось не всегда. То есть, я не всегда хотел ее говорить. Например, зачем говорить то, что и без тебя всем прекрасно известно. Это все равно что в поддавки играть. Дяде Науму правда вообще не нужна. А тете Хебе нужна, но выборочная. Мама и папа и так про меня все знают. А тете Тане Пиркиной, по-моему, вообще фиолетово, что я говорю. Она даже не слушает. Бабай с Абикой слушают всегда, слушают внимательно и верят, от этого врать им неудобно. Врать всегда неудобно, когда тебе верят искренне. Еще есть тетя Валя — воспиталка. Ей врать скучно. Всегда один и тот же ответ: «Вот все будут играть, а Муратов в углу стоять». Двух своих друзей, Иваниди и Пиркина, я в расчет не беру — у нас с ними договор! Мы не врем друг другу ни при каких правдивых обстоятельствах.

— Я считаю, — подвела итог совета тетя Хеба, — еще один поход к врачу обязателен! Нужно закрепить начатое. Врет он уже меньше. Хотя вчера еще насочинял мне, что в «Целинном» колбасу дают! Так что лучше сводить.

Мама взглянула на тетю Таню.

— Я тоже так считаю. Он своим враньем Давида пугает. Всякую ересь ему несет. Сказал, что Шимон Перес его дядя, а Нетаньяху — тетя, хоть и притворяется дядей, и скоро они поженятся. Давид всю ночь плакал, пока я ему валерьянки не дала. Так что своди, пусть еще раз проверят. Может, он нам тут врет, что он не врет?

— Свою, — мама погладила меня по голове: — Иди, поиграй, а мы пока тут чай поьем.

До темноты мы гоняли во дворе мяч. Я был Фетисовым, Пиркин — Яшиным, Иваниди считал себя Гераклом и Марадоной одновременно. Мне разрешали играть допоздна только в тех случаях, когда завтра нужно было идти к стоматологу или вырвать что-нибудь из гланд. Понимая это, я справедливо считал, что последняя просьба приговоренного к расстрелу — закон, и пытался как можно дольше пользоваться этим законом. Отец нашел меня возле футбольных ворот и занес спящего домой.

Утром мама и я пошли в больницу.

Свежевыкрашенный в желтую краску коридор детской психиатрической больницы напоминал мне вареный початок кукурузы, на который налепили таблички «Не прикасаться». От обилия этих табличек желание прикоснуться было настолько велико, что я сразу же сделал это пальцем.

— Написано же, — с горечью сказала мама. — Ну ты как специально, что ли! Палец теперь твой не отмоеся! Понимаешь?

— Зато вот! — я показал на отпечаток указательного пальца, оставшийся на стене, — это печать!

Мама вздохнула и постучала в дверь.

Врач был тот же.

— А... фантазер! Помню. Помню! Ну, как дела? — он пожал мне руку, как взрослому, и указал на стул маме: — Присаживайтесь. Рассказывайте!

— Что? — спросила мама.

— Да хоть что, — предложил Анатолий Иванович. — Что хотите, то и говорите.

Мама смутилась. Сначала посмотрела на меня. Затем взглянула на врача и уставилась в окно.

— Ну-с, — Анатолий Иванович открыл тетрадь и взял ручку. — Если мама не знает, что говорить, давай тебя послушаем. Тебе есть что сказать? Как этот месяц провел?

— Нормально, — сухо ответил я, понимая, к чему ведет этот хитрый дядька. Рано или поздно я сорвусь, и он поймает меня на вранье. И, как обещал в прошлый раз, положит в больницу к той девочке. Главное — не сорваться! — А как та девочка поживает?

— Какая девочка? — не поднимая глаз от тетрадки, спросил Анатолий Иванович. — Ты про кого спрашиваешь?

— Ну, та, — завертелся я на стуле, вспоминая ее имя, — которая бабушку хочет съесть.

— Бабушку съесть? — удивленно спросил Анатолий Иванович. — Какую бабушку?

— Алиса! — вспомнил я имя девчонки с бантом, которую видел в больнице месяц назад. — Мы с ней в песочнице игрались! Вы не помните, что ли?

Анатолий Иванович отложил тетрадь в сторону, скрестил руки на груди и усмехнулся.

— Надо же! Помнишь. Вы, мама, можете выйти! Мне с вашим сыном один на один поговорить надо, — каким-то глухим голосом сказал он. — Идите!

— Хорошо, — словно из-под гипноза, сказала мама. — Я за дверью буду.

Оставшись вдвоем с врачом, я немного оробел. Высокий, в очках, похожий на лысую гориллу, врач приоткрыл окошко и закурил, выпуская дым в окно.

— А что тебе Алиса? — спросил он. — Ты почему про нее спросил?

— Запомнил просто, — пожал я плечами, понимая, что лучше отвечать коротко. Ну, не будешь же действительно говорить врачу, что девочка Алиса запомнилась не просто и календулу называть ноготками ты решил неспроста. Алиса вызывала интерес. И не потому, что хотела съесть бабушку, а потому, что смотрела не так, как другие. Она смотрела оценивающе. Будто бы изучала твое лицо, скользила по нему, считывая все неровности, впадинки и родинки. Я так на букашек смотрю. Веточкой расправляю им лапки, на спину переворачиваю и смотрю. Так и Алиса смотрела на меня — словно я букашка!

— Запомнил, значит, — прищурил глаза Анатолий Иванович. — А не врешь ли ты часом?

— Каким часом? — не понял я

— Таким часом! Что ты в Алисе увидел? — щелчком отправив докуренную сигарету в окно, спросил Анатолий Иванович. — Если честно не скажешь, то все! Понял?

— Что все? — вновь не понял я.

Анатолий Иванович вплотную подошел ко мне и, подняв под мышки, пристально уставился мне в глаза. С минуту он разглядывал меня, и я все понял. Взгляд его был такой же, как у Алисы. Точь-в-точь! Только смотрел он на меня не как на букашку, а как на засушенную букашку, которую уже прикололи к листку альбома. Разница была невелика. Просто у Алисы я был живой, а у Анатолия Ивановича уже мертвый, и интерес мог вызывать лишь с точки зрения экспоната коллекции. Мурашки побежали по моему телу, и я задрогал ногами.

— Значит, вот что! — опустил меня на землю Анатолий Иванович. — Слушай меня внимательно. Слушаешь? — Он вновь закурил сигарету, но уже не у окна, а сидя за столом.

— Да, — кивнул я и выпучил глаза. — Тайна?

— Тайна! — затягиваясь, хрипло сказал Анатолий Иванович. — Это дочь моя. Дочка, понимаешь?

— Да!

— Жить она среди людей одна не может! Понимаешь?

— Да!

— Что да? Что ты можешь понять в шесть лет? Ей либо здесь всю жизнь провести. Либо лучше... — Он осекся и стер рукой пот со лба. — Либо ей нужен человек, который сможет ей помочь. Человек ее возраста. Понял теперь?

— Понял! — таинственно сказал я, хотя ничего на самом деле не понял.

— Она не сумасшедшая, — продолжил Анатолий Иванович. — Вернее, не совсем сумасшедшая. Такие дети рождаются редко. Один на сто миллионов. Ей нужен донор! Понимаешь?

— Конечно! — с готовностью кивнул я. — Я все понимаю.

— Что такое донор? — резко спросил меня он.

— Это тот, кто нужен вашей дочке, — выкрутился я. — С кем она не будет совсем сумасшедшей. Если вы про меня говорите. Я готов! А бабушка?

— Бабушка... Это не бабушка. Это мама ее. Моя жена, — лицо у Анатолия Ивановича стало серым, словно его кто-то посыпал пеплом. Прожилки на висках налились кровью и, казалось, вот-вот лопнут. — Она молодая еще. И тридцати нет. Алиса все высосала... Еще в утробе начала сосать. Сможешь ли ты... — Он уставился вновь на меня и как будто бы оценивал, смогу ли я быть тем самым донором его дочке. Что мне оставалось делать? На моем месте любой Фетисов сказал бы...

— Смогу, — сказал мой Фетисов, — даже не переживайте! Что делать-то?

— Прости меня боже, — прошептал Анатолий Иванович и поднял трубку телефона.

Глава 4. Шахматы

Фамилия у Алисы была красивая — Бениславская.

— Бениславскую приведите, — сказал Анатолий Иванович в телефон. — Смотри, Муратов, внимательно смотри. А вдруг не сможешь?

Я стал озираться по сторонам и разглядывать кабинет врача. Ничего особенного, чего бы я раньше не заметил. Кушетка, стол, два стула, шкаф с какими-то книгами...

— На Алису смотри, — заметив мое замешательство, уточнил Анатолий Иванович. — Сейчас приведут.

— Понял, — перестав оглядываться, ответил я и развернулся к двери.

Послышались шаги, и дверь в кабинет открылась. На пороге возник худощавый дядька в белом халате, за руку он вел маленькую девочку, одетую в больничную полосатую пижаму.

— Заходи, Гриша, — вставая из-за стола, произнес Анатолий Иванович. — Алиса, встречай друга.

Я краем глаза увидел сидящую в коридоре маму. Мама словно не замечала нас и, забыв про меня, читала лежащую у нее на коленях брошюру.

Гриша слегка подтолкнул девочку в кабинет, перешагнув порог и закрыл за собой дверь. Мама так и не отвлеклась от брошюры...

— Вот, — непонятно кому сказал Анатолий Иванович. — Думаю, сами разберетесь! Гриша, выйдем!

Гриша словно и не отпускал дверную ручку, он вновь открыл дверь и, пропустив вперед Анатолия Ивановича, захлопнул ее, оставив нас вдвоем с Алисой в кабинете.

«Внимательно смотри... внимательно! А вдруг не сможешь», — вспомнив слова врача, я со всей силы выпучил глаза на девочку и стал ее рассматривать. Та, не сдвинувшись с места, тоже смотрела на меня. Ее взгляд я помнил с прошлой встречи, да и ее саму прекрасно запомнил, чего опять смотреть-то? Одного раза в жизни хватает, чтоб запомнить человека.

Мы с Иваниди по фильму «Два капитана» так память тренируем. Мне хватает пяти секунд, чтоб понять, какую конфету он стащил со стола, а какую доложил. Пиркин, правда, это считает баловством и предлагает сыграть с ним в шахматы. Но с ним играть неинтересно — он не играет, а этюды учит по книжке, и я должен ходить так, как сто лет назад ходил Ботвинник. А если я не хочу ходить, как Ботвинник? Хочу ходить, как сам хожу, что тогда?

— Тогда ты дурак, — говорит Пиркин. — Чтоб научиться играть, нужно учить правила игры.

— Правила я и без Ботвинника знаю, — говорю я. — Папа научил.

В спор вступает дядя Наум:

— Чтоб научиться играть, надо забыть, что это игра!

— А когда проиграешь? — спрашиваю я, двигая пешку навстречу ладье Пиркина.

— Тогда надо вспомнить, что это была всего лишь игра.

— Живи играя; проигрывая, играй?

— Что-то типа этого, — улыбается дядя Наум и встает со скамейки. — И вообще, лето на дворе, а вы с шахматами! Кто купаться идет?..

...Алиса вплотную подошла ко мне. Зрачки ее то сужались, то, наоборот, расширялись, становясь похожими на кружевные салфетки. Тетя Хеба такие салфетки вечерами плетет, потом на столе раскладывает. Словно паучиха паутину расставляет гостям. Не дай бог в эту паутину попасть.

— Да что же вы за люди такие? — орет она на меня и своего сына Колю. — Вы разве не видите, что тут салфетки лежат?! Кто варенье над ними лопают? Вандалы!

Так и у Алисы, глаза словно паутинки — размер жертвы подбирают для себя, фокус ловят.

— О чем ты все время думаешь? — Алиса взяла мои руки и стала рассматривать их. — Никак не могу к тебе подвязаться. Где ты вот сейчас был? Я смотрела и не могла понять тебя. Обычно я сразу цепляюсь к людям.

— За что? — искренне удивился я, и чтоб перевести разговор, тоже стал рассматривать свои руки. — Вот от жабы! Видала?

— Что от жабы? — не поняла Алиса. — Ты не ответил на мой вопрос. У тебя как будто два лица. Какое из них настоящее?

— Бородавка от жабы, — ткнул я подбородком в сгиб указательного пальца. — За домом болото. Там жаб полно. Тростинкой надували, одна какнула на палец. От кашки вылезла бородавка. Чтоб ее вывести, нужна нитка и цыганская игла, — я стал нести галиматью, чтоб не отвечать на ее странные вопросы. — Нужно замотать ниткой бородавку и сильно стянуть. А потом воткнуть иглу!

— Жаб надували? — недоверчиво спросила она. — Тростинкой?

Я хотел показать руками, как нужно надувать жаб, но мои руки держала Алиса, и поэтому я просто надул щеки, накачивая их все сильнее и сильнее и, добравшись до того момента, когда щеки стали видны мне самому, резко спустил воздух, вытянув губы вперед. В этот момент Алиса вдруг сжала мои руки, подтянула их вверх, и не давая мне опомниться, вонзила свои зубы прямо в кончики пальцев. От боли я хотел заорать и даже попытался это сделать, но воздух, который я только что выпустил наружу, не оставил в легких и намека на крик.

— Дура, что ли? — на остатках дыхания фальцетом произнес я и со всей силы оттолкнул ее.

Пижама на Алисе сбилась, воротник съехал в сторону, но сама она удержалась на ногах и чуть пригнулась к полу, напоминая сжатую пружинку.

— Ты чего? — сжал я кулаки и двинулся на нее. — Чего, как девчонка, кусаешься?

В этот момент дверь в кабинет распахнулась, и Анатолий Иванович в два прыжка оказался между нами...

— Так она и есть девочка, — миролюбиво сказал он. — Они же все кусаются! Так, Муратов?

Я разжал кулаки и оглядел свою левую руку. Сразу на трех пальцах, чуть ниже ногтей, на первом сгибе атели вмятины от зубов. Шли они неровно, на среднем пальце укус выделялся крупнее и вдавливался глубже, на указательном и безымянном следы были бледнее.

— А чего она? Я ей про жабу рассказывал, хотел показать! А она укусила. Ладно бы я обзывался или за косу дернул. А так? — пожал я плечами.

Алиса стояла сразу за Анатолием Ивановичем и молча смотрела на меня. Меня ее молчаливые взгляды не то чтобы раздражали или пугали, но было малоприятно, когда на тебя кто-то постоянно пялится.

— И пусть не пялится! А то заеду в ухо! — предупредил я больше ее, чем Анатолия Ивановича. — Кто будет пялиться, того, как ту жабу, надую! Понятно?

— Понятно, понятно, — чему-то улыбаясь, сказал Анатолий Иванович и поцеловал Алису в лоб. — Гриша, — крикнул он через дверь.

Все тот же худой и молчаливый дядька в белом халате зашел и, взяв Алису за руку, увел из кабинета. Я вновь увидел сидящую за дверью маму, которая продолжала читать брошюру. Странно было не то, что Алиса меня укусила, и не то, что Анатолий Иванович про донора какого-то полдня мне рассказывает, или что немой Гриша ходит туда-сюда, странно, что мама всего этого не видит или не замечает и сидит себе спокойно, читает какую-то книжку.

— Мама, — не выдержал я, окликнув ее, пока дверь не закрылась. Но мама даже не шелохнулась.

Анатолий Иванович достал из шкафа липучку с насосом.

— Давление померяем. Не больно!

Он померил мне давление, затем прослушал мое сердце, прикладывая к нему холодную плоскую железячку, стучал по коленке, оттягивал глаза и, наконец, сел за стол и начал что-то записывать, периодически закуривая сигареты. Тушил он их в пепельнице, выполненной из кости в виде небольшого черного черепка.

— Настоящий череп? — спросил я, устав сидеть молча на кушетке.

— Из Ялты привез, — не поднимая головы, сказал Анатолий Иванович, продолжая писать в журнал. Наконец он захлопнул его и, выйдя из-за стола, присел на корточки возле меня.

— Ну что? Договорились?

— О чем? — в голове у меня начала складываться картинка, что донор — это не совсем то, о чем я думал.

— Ты с Алисой. За это я тебя в больницу не положу на лечение. Идет? — Анатолий

Иванович вытер пот со лба. — Как пацан пацану обещаю. Но и ты должен пообещать, что все останется между нами, — он протянул мне руку.

Пацан пацану. Все останется между нами. Что все? Что меня укусили? Или что я ее хотел, как жабу, надуть? Мама еще... делает вид, что нет ее тут. Папы нет. Иваниди тоже... были бы рядом, живо бы тут все на место поставили, а так один... Одному, с одной стороны, проще, с другой — труднее. Но ходить все равно тебе самому...

— Живи играя; проигрывая, играй, — сказал я, протянув руку навстречу. — Слово пацана! Чё делать-то надо?

— Особо ничего, — пожал мою руку он. — Надо быть всегда рядом с ней. Сидеть рядом, гулять рядом. Находиться недалеко от нее все время. Она девочка хорошая... Многое ей нельзя только! Раз в месяц мы с тобой будем видеться, чтоб мерять давление. Она это знает, ты знаешь, я знаю... Это и будет наша тайна.

— Кусать меня, что ли, будет? Как бабушку-маму свою? — перебил я Анатолия Ивановича. — Не... я на это не согласен. То есть, сразу говорю: будет кусать — в лоб получит!

— Ведь не надувал ты жабу! Верно? Наврал ей? — сухо спросил он. — Наврал, я знаю. А она это чувствует. Врешь ей — кусает. Не врешь — не кусает. По-моему, честно.

— Честно, — сознался я. — Не надувал. А откуда тогда бородавка?

— От верблюда, — вздохнул Анатолий Иванович, поднимаясь с корточек. — Ты, главное, запомни, что если что, то место тебе в палате с тем ссыкуном обеспечено. Помнишь?

— Помню, — тоже вздохнул я. — Как только мне с ней быть все время рядом, если она тут в больнице лежит? Да и не могу я все время рядом быть. У меня скоро школа.

Анатолий Иванович открыл дверь и, изменив голос на глухой бас, громко сказал:

— Ну все, мама! С сыном все в порядке! Он здоров, если будут обострения, то обязательно ко мне. Можете не волноваться!

Мама, словно все это время не читала брошюру, а была с нами, подняла голову, улыбнулась и встала со скамейки.

— Календулу давать?

— А? — не понял Анатолий Иванович. — Какую календулу?

— Ну, вы ему прописали в прошлый раз. Отвар пить. Нам скоро в школу, мне нужно будет учительницу попросить, чтоб давала ему.

— Уже лишнее, — он зачем-то погладил мою голову и подмигнул. — В школе как раз и увидимся! Ну всё! Свободны...

На крыльце мама взяла меня за руку и о чем-то расспрашивала. Говорила, что я заслужил мороженое и в «Целинном» она обязательно возьмет его.

— А можно два? — спросил я и, словно почувствовав что-то, обернулся назад. В крайнем от крыльца окне в форточку курил человек. Рядом с ним на подоконнике стояла маленькая девочка в больничной пижаме и смотрела нам вслед.

— Мама, — резко отдернул я руку, — мне надо тебе сказать.

— Что, сынок? — удивленно спросила мама, прикладывая свою ладонь к моему лбу. — Что сказать?

Я вновь обернулся. В окне никого не было. Лишь штора, задернутая до середины, колыхалась от ветра.

— Два это много. Одного хватит!

— Умница, — обрадовалась мама и, заметив наш автобус, ускорила шаг...

Глава 5. Первый

И вот настал самый важный день в моей жизни! Важнее всех предыдущих, важнее даже будущих дней. Ну кто скажет, что пятнадцатое сентября важнее первого? Никто! Тем более, последний год мне только и говорили про первое сентября, а сегодня все собрались, чтоб напомнить!

— Сынок, — говорит папа, — первое сентября — это как Юрий Гагарин перед стартом!

— Первое сентября, — хмурит брови Бабай, — это как День Победы в сорок пятом!

— Мы все будем гордиться тобой, — целует меня в лоб Абика, — ты наш Лобачевский!

Только мама молчит, смотрит на меня и молчит. То портфель достанет, то тетрадки в него сложит, то вновь вынет — пересчитывает. Ручки, ластик, карандаши, пенал...

— А промокашку? — вскидывая руки, прерывает она свое молчание оханьем. — Мы забыли промокашку! Как он в школу пойдет без промокашки? А?!

Все, кроме меня, начинают носиться и искать промокашки, которые я давным-давно израсходовал на самолетики. Я делаю вид, что без промокашки в школу идти глупо, бесполезно и, самое главное — все будут сидеть с промокашками, а я без. Как бишара!

— Что он у нас бишара, что ли? — охает мама. — Все будут сидеть с промокашками, а он без!

Папа смотрит на часы и выбегает на улицу.

Весь дом напоминает пчелиный улей. У нас ищут промокашки. Из квартиры Иваниди доносятся крики: «Я тебе говорила, в этих туфлях в футбол не играть! Говорила? Что ж ты, ирод-то, наделал!» У Пиркиных дела всегда после еды, а еда у них большая тема: «Дава, школа еще никогда не была важнее завтрака, и кто скажет тебе иначе — не слушай! Ты помнишь тетю Варю, так вот — тетя Варя директор школы и она всегда завтракает». Даже из квартиры дяди Наума доносится что-то, связанное со школой.

— Да, Светлана Ивановна, конечно! На линейке я буду обязательно в галстук. Понял, Светлана Ивановна. Мячи, конечно, принесу! Пока! То есть до свидания, извините, не привык еще!

Ровно через час во дворе дома возле наваленной строителями кучи песка собирается наш отряд первоклашек, держащих в руках гладиолусы и портфели. На всех синие костюмы, белые рубашки, черные туфли. На Коле Иваниди кепка, которую тетя Хеба зачем-то напялила на его кудрявую голову. От этого Коля стал похож на важного карлика, который собирается жениться.

— Все в сборе? — осматривает собравшихся дядя Наум. — Тогда песню запева-а-ай! Раз — два! Шагом марш в школу!

— Совсем там с дуба рухнули, — крутит у виска тетя Хеба Иваниди. — Алкаша в физруки взяли. Посмотреть бы на того, кто это придумал. Завтра же в ГОРОНО пойду.

— С другой стороны: свой человек в школе, — разумно замечает дядя Владик Пиркин. — За детьми присмотрит. Блат!

— Тоже мне блат — он уже хороший! Даром что пиджак надел и галстук у Ставроса выпросил. Все равно схожу в ГОРОНО!

Наверное, это единственный случай на моей памяти, когда мы всем двором идем вместе, держась за руки. Я держу маму и Абику, Бабай идет рядом и держит гладиолусы, слева от него шагает тетя Хеба, дядя Ставрос и их сын Иваниди. Чуть позади нас семья Пиркиных наставляет Даву на все одиннадцать предстоящих лет учебы. Справа от них,

в галстук и пиджаке, несет за спиной сетку футбольных мячей дядя Наум. Мы идем самой лучшей дорогой от дома до школы. Той дорогой, по которой мне предстоит еще много раз пройти, стирая на ней чьи-то следы и оставляя свои. Тропинка огибает заросли полыни и кустарники боярки, подводя нас все ближе и ближе к асфальтной улице. Все когда-то идут в первый раз в школу. Абики с Бабаем вели в школу мою маму, их, в свою очередь, отводили их родители, а тех...

— Куда он делся? — крутя головой по сторонам, спросила мама сразу всех. — Сына в школу ведем!

— Найдется, — ответил за всех Бабай, — я его знаю!

Перед школьными воротами наша делегация сделала остановку. Мне вновь поправили воротник, Даве объяснили, кому дарить цветы, а Иваниди погрозили пальцем.

— С богом, — вздохнул дядя Наум и, перетаскивая сетку мячей через крутящийся турникет, проскользнул во двор школы.

Мы последовали за ним.

Вдоль всего парадного входа на бетонной площадке стояли празднично одетые дети. Разбившиеся по кучкам согласно своему росту школьники о чем-то живо разговаривали и смеялись. Я огляделся по сторонам, ища знакомые лица.

— Вон наши, — подтолкнул меня в плечо Коля. — И воспиталка тут уже.

— Где? — я не заметил, куда он указал пальцем.

— Да вон! У крыльца! Давай туда. Догоняй, — сказал Иваниди и юркнул в толпу, пробивая себе путь локтями.

Я посмотрел на маму. Уговор был, что на линейке я стою один. Без родителей. Это важно! Это архиважно, и мы об этом договаривались...

— Я помню, сынок, — сказала мама, — давай! Иди к друзьям!

— Спасибо, — обнял я ее и, схватив гладиолусы у Бабая, рванул следом за Иваниди. За мной побежал и Дава Пиркин. Добравшись до своей группы, мы поздоровались со всеми пацанами и даже девчонками, что случалось довольно редко. Обычно это бывало или на день рождения, или когда ты сильно обидел их. Сегодня это произошло спонтанно и, скорее всего, завтра уже не повторится. Тетя Валя, нарядная, в синем платье, вся нагруженная цветами, стояла рядом с нами и с любовью смотрела на всех. Увидев меня, она слегка улыбнулась и, получив предназначенный ей букет, сказала спасибо. Если это и есть школа, если так всегда и будет, — то я готов стать отличником. Я готов не баловаться и дарить цветы. Здраваться и стоять со всеми в одной линейке рядом. Я согласен не врать, да и зачем врать, когда так ярко светит солнце и твои друзья светятся еще ярче. Мои мысли прервал писк микрофона: женщина с тугой, словно канат, косой вышла на середину линейки.

— Здравствуйте, дети! Меня зовут Светлана Ивановна! Я ваш завуч начальных классов! — Она сделала паузу и обвела всех взглядом. — Сегодня, дети, вы вступаете в новую жизнь! Еще не совсем взрослую, но ответственную! Ответственность — это то, чему вы должны научиться с первых дней учебы! — Светлана Ивановна вновь посмотрела на нас и продолжила: — Все мы, и я в том числе, когда-то давно пошли в первый класс. Все мы учились! И сегодня это право — право учебы, право новых знаний и побед, принадлежит вам! И от вас требуется учиться, учиться и еще раз учиться, как завещал... — Она в третий раз замолкла, и я понял, что молчать она будет до тех пор, пока не услышит, кто нам это завещал.

— Ленин! — раздался звонкий крик слева от меня, вся линейка мигом обернулась на возглас и, повернувшись обратно к завучу, громко закричала: — Ленин! Дедушка Ленин! Владимир Ильич!

— Ленин, — тихо прошептал я от удивления. Крик принадлежал девочке с двумя красными бантами, в черной юбке с ляжками, белой блузке, розовых колготках, с чуть скривленным правым уголком губ...

Алиса стояла в соседней шеренге и тоже смотрела на меня. Я обомлел. Значит, Анатолий Иванович сдержал свое слово, и «это» началось. Значит, слово пацана,

которое я дал ему, тоже надо держать. Наставление отца! Самурай и пацаны. Самурай держит честь, и пацаны, которые дали слово, тоже дорожат этой честью. Этим самураям тысяча лет. Пацанам — то есть мне — только шесть.

«Сможешь держать честь — значит, пацан! Значит, самурай! А нет — полицей». Еще дядя Наум добавил, мол, в будущем самураи в Японии останутся, а вот пацаны сгинут — перестройка растопчет. И мы якобы последние, кто так называет себя.

— А тех, кто не будет слушаться, — раздался голос над моей головой, — мы оставляем на второй год! Как фамилия? С какого класса? Почему стоишь задом наперед и не слушаешь?

Я поднял голову. Светлана Ивановна держала в руках микрофон и, нависая надо мной, пыталась узнать, кто я такой и откуда. Рядом стояла тетя Валя, что-то сбивчиво объясняя ей.

— Понятно! Муратов, значит! Разберемся! — прищурился, сказала завуч. — А теперь, дети, все по своим классам! Первый урок и первый звонок! Удачи вам!

Раздалась трель звонка, и линейка рассыпалась на классы. Потеряв Алису из вида, я попытался найти свой класс, проталкиваясь через толпы одинаковых костюмов. Со всех сторон лезли незнакомые лица детей, провожающих их взрослых, горы цветов и портфелей мелькали повсюду. Заметив кепку Иваниди, я побежал к нему. Дорогу мне перекрыл отец.

— Уф, — запыханно сказал он, — успел! Звонок только что был! Где портфель?

Не успел я расстегнуть портфель, как возле меня оказалась мама:

— Вы меня вдвоем убьете скоро! — чуть не плача, сказала она. — Один на первый звонок сына пропал, второй вообще на линейке в обратную сторону развернулся и уснул. Ты где был? — спросила она папу. — А ты чего там увидел? — сразу же последовал вопрос ко мне.

— Вот, — достал отец из кармана стопку тетрадок, — во всех промокашки! Успел!

— Так, — пожал я плечами, — я пойду?

— Беги быстрее, — чуть ли не закричала мама. — На первый урок не хватало опоздать!

Я метнулся к парадному входу. Залетев на ступеньки, обернулся. Мама вытирала платком слезы, папа, держа в руках кипу тетрадок, махнул ими, и я, потянув на себя массивную дверь, вошел в школу.

— Опаздываем, — как-то иначе, чем в садике, сделала замечание тетя Валя. — Проходи и садись на свободное место.

— Спасибо, тетя Валя, — сказал я, заходя в класс.

— Валентина Павловна Карамысова, — поправила она меня. — Мы уже не в садике!

Я огляделся. Все передние парты были заняты. Заняты были и второй и третий ряды. Лишь на самом последнем, у стены со шкафами, имелись свободные места. Иваниди с Пиркиным сидели на первой парте, разложив перед собой тетрадки с ручками.

— Сегодняшний урок у нас посвящен Родине! Все мы знаем, что столицей нашей Родины является? Какой город? — спросила нас Валентина Ивановна.

— Москва! — хором ответил класс.

— Правильно! Москва! Муратов? Ты сядешь наконец или нет?

Я все никак не мог выбрать себе место. Пустая парта стояла возле окна, еще одна возле стенки, но и с той и с другой парты доску не было видно нормально.

— У окна, — наконец выбрал я место, где мне предстояло учиться всю дальнейшую жизнь, — можно?

— Садись, — разрешила Валентина Павловна, — так вот. Мы с вами должны знать не только столицу нашей Родины, но и саму Родину. Наша Родина самая большая в мире и самая справедливая. Как называется наша Родина?

— Советский Союз, — снова хором ответил класс.

— Верно! И состоит она из?..

Тут класс замолчал. Из чего состоит наша Родина, точно никто не знал.

— Из городов?

— Нет!

— Из стран?

— Тоже нет! Ребята, вы можете ответ найти в названии Родины! — подсказала нам Валентина Павловна.

— Из советских! — догадался Иваниди. — Родина состоит из советских.

— Дальше. Ну... ты на верном пути, — учительница вышла к доске и начала там что-то рисовать.

— Советских союзов? — неуверенно проговорил Иваниди.

— Республик, — закричал я, вспоминая уроки географии от Бабая. — Пятнадцать республик. Греческой среди них нет!

Класс на слове «греческой» рассмеялся. Иваниди развернулся и кинул в меня ручку. Я бросил в него пенал, но промахнулся и попал в Пиркина. Дава, изобразив смертельное ранение, свалился со стула. В классе начался хаос, все стали кидаться друг в друга тетрадками, карандашами, в ход пошли портфели. Валентина Павловна от неожиданности сначала забилась в угол и ошалело смотрела на эту вакханалию, затем стала истошно орать. На крик прибежала Светлана Ивановна, следом за ней в класс ворвался дядя Наум с сеткой мячей.

— А ну-ка! — грозно прикрикнула на нас завуч. — Это что такое? Вы в школе! Мигом по местам.

Класс словно только и ждал этого окрика. Разом все успокоились и расселись по своим партам, аккуратно сложив руки перед собой.

— Кто зачинщик? — Светлана Ивановна обвела класс взглядом. — У кого хватило ума на первом уроке своей жизни устроить такое? — она остановила на мне свой взгляд. Дядя Наум, стоявший рядом с ней, сказал:

— Это от перевозбуждения у них. Искать виновных непедагогично.

— И все же, — не обращая внимания, произнесла завуч, — виновные должны быть наказаны. Кто?

Никто не хотел говорить. Молчала даже бывшая моя воспиталка тетя Валя, а теперь учительница Валентина Павловна. Молчал и класс. Но молчать это одно, а смотреть совсем другое. Когда на тебя смотрят и молчат, вывод сделать не трудно.

— Встать! — глухим басом приказала она. — За мной!

Я встал, не зная, собирать мне вещи с парты или оставить тут. Решив, что лучше все же оставить, под сочувственные взгляды одноклассников я вышел из класса. За мной через секунду выскочил Иваниди.

— Куда? — шепотом спросил он.

— Не знаю, — так же шепотом ответил я. — Наверное, выгоняют из школы.

В учительской было шумно. В одном углу за столом восседал толстый дядька и, размахивая руками, возмущался:

— Курят уже! Как паровозы. Поймал двоих за школой. Родителей вызвал. А им что — стоят, ухмыляются.

— Время такое, — сокрушенно мотала головой старушка в массивных очках. — Хорошо хоть, не пьют.

— Начнут, — убедительно сказал дядька, — помяните мое слово: еще года два, и начнут!

— Куда катимся, — вздохнула старушка и, чуть приподняв очки, взглянула на нас.

Дядя Наум, не выпуская сетку из рук, зашел в учительскую.

— Вот новая партия хулиганов, — развела руками Светлана Ивановна. — На первом же уроке устроили свару, драку, напугали новенькую учительницу... довели до слез.

— Она не новенькая, — сказал я.

— А есть разница, какую доводить до слез? — удивленно спросила старушка. — То есть вы считаете, молодые люди, что старых учительниц можно?

— Они больше так не будут, — вступился за нас дядя Наум. — Не будете же?

— Не будем, — согласились мы с Иваниди. — В первый и последний раз!

— Поверим? — с надеждой обернулся к старушке и толстому дядьке дядя Наум. — Светлана Ивановна, дадим будущему шанс?

Старушка вновь приподняла очки и рассматривала дядю Наума.

— А вы, собственно...

— Новый учитель физкультуры, — не дав ей закончить предложение, представился дядя Наум. — Наум Вячеславович Миник. Витебский педагогический. Выпуск семьдесят второго.

— Надо же, — подозрительно сказала старушка, — откуда такие кадры? Светлана Ивановна, а Альберт Михайлович?

— Альберт Михайлович уже документы свои забрал. Уезжает Альберт Михайлович! Физруков нету. Не-ту! А тут с образованием, — Светлана Ивановна подошла к столу, взяла папку с документами и стала внимательно читать ее. — В какой класс определили?

— Да, вот в какой? Везде полный комплект! В первый «Ж», там еще одно место осталось, — вытирая пот со лба, затараторил толстый дядька. — Как раз в их класс и отправили, — он кивнул в нашу с Иваниди сторону.

— И писать, и читать уже умеет, — добавила старушка. — Вообще любопытная девочка. Вам бы на нее взглянуть, Светлана Ивановна.

— Нагляжусь еще, — резко захлопнула папку завуч. — Ну, что с этими делать? Намучаемся с ними. Может, сразу в садик обратно?

Учительская поплыла перед моими глазами. Толстый дядька, старушка, завуч, физрук, отличницы, двоечники... Первое сентября, которое я ждал всю свою жизнь, заканчивалось. И заканчивалось оно совсем не так, как представляли его мои родные и я сам. Ладно, понятно, что я не Юрий Гагарин, естественно, мне далеко до Лобачевского, и даже День Победы хоть в сорок пятом, хоть в любом другом году — праздник, до которого мне еще предстоит тысячу раз проиграть, чтоб понять его смысл, но не так же проигрывать — в первый день учебы с позором в ясли!

— Неет, — закричал я. — Последний шанс!

— Последний шанс, — спохватился Иваниди, имея неплохой навык выпрашивания таких шансов перед батиным ремнем. — Самый что ни на есть последний.

— Дадим им шанс, — соскочил со стула дядя Наум. — Под мою ответственность!

Светлана Ивановна недоверчиво посмотрела сначала на нас, затем на дядю Наума, о чем-то задумалась и, прихватив с собой папку, двинулась к двери.

— Под вашу! И чтоб никаких больше драк!

— Никаких, — клятвенно заверил дядя Наум. — Они у меня лучше всех будут учиться!

Пока мы шли от учительской до классного кабинета, дядя Наум учил нас жизни в школе:

— Здесь не все зависит от оценок. Понятно? Какие бы вы умные ни были — поведение важнее! Запомните: кто балуется, не слушается, ведет себя как ему вздумается — тот первый кандидат на вылет!

— А второй? — поинтересовался я.

— А второй — тот, кто задает неудобные вопросы, — подмигнул мне дядя Наум и открыл дверь в класс.

Изменения в классе были налицо. Внушительная педагогика Светланы Ивановны сыграла свою роль. За партами сидели тихо, Валентина Павловна что-то рисовала мелом на доске и не спеша объясняла классу.

— Когда кто-то хочет ответить или что-то сказать, то он?..

— Поднимает руку, — сказала Вика Разина, которая еще в садике научилась поднимать руки по команде, — вот так! — она подняла правую руку и подложила под нее левую, образуя угол.

— Правильно, — расцвела Валентина Павловна. — Вике за урок ставим «пять»! Заходите, — она заметила нас с Иваниди.

Мы молча прошли в класс. Иваниди, подойдя к своей парте, увидел сидящую на его месте Алию Махметову и стал недоуменно озираться по сторонам. Пиркин молча сидел рядом с Алией и делал вид, что та всю жизнь сидела рядом с ним и никакого Иваниди тут и в помине не было. Алиа, подражая Пиркину, тоже делала вид, что знать не знает, почему к их парте подошел этот кучерявый мальчик. Да что они... весь класс делал вид, что все так и было...

— Я запомню, — зло сказал Иваниди и пошел выбирать себе место. За моей партой сидела Алиса. В принципе я еще в учительской понял, кто та девочка, которая умеет читать и писать. Еще бы не уметь. Семь лет. В семь лет я тоже буду уметь читать и писать, уже практически умею, диафильмы Давиду с Колей озвучиваю. Те верят...

Алиса расположилась ближе к краю, оставив мне место возле окна. Тетрадки мои она сложила в стопку, аккуратно разложив рядом с ними ручки и цветные карандаши. Пенал, который я кинул в Иваниди, лежал на краю парты.

— Привет, — сказала она мне как ни в чем не бывало. — Садись. Будем учиться.

— Тоже мне, — не найдя ничего лучше, ответил я и, обойдя ее стул сзади, сел на свое место.

— Не обижайся за тот случай, — шепнула Алиса, — я не специально, понимаешь?

— Какой случай? Ты о чем? — прикинулся я, что не понимаю, о чем она говорит. — Я не помню.

Уголок рта Алисы скривился, и она чуть прищурила глаза:

— Ты мне опять врешь? Ты же знаешь, мне врать нельзя, я это сразу чувствую!

— Свалилась ты на мою голову, — резко сказал я и повернулся к ней: — Чё пристала! Не помню! Не помню! Помню! Ты больная дура!

— Муратов! — раздался окрик Валентины Павловны. — Ты что, совсем совесть потерял? Пяти минут не прошло, а ты за старое! Вон из класса!

Второй раз за первое сентября я покидал класс. Теперь уже с вещами на выход. Урок про Родину, как вести себя на уроках, как в школе... что вообще можно, а что нельзя, я так и не услышал. Зато увидел все остальное, некоторые, наверное, из школы только один раз в жизни вылетают — на последний звонок! А мне повезло, на первом — два раза!

За школой курил дядя Наум, держа в руках все ту же сетку с мячами.

— Да ну ее, — в сердцах кинул я портфель наземь. — Не хочу.

— Кого? — усмехаясь, спросил дядя Наум.

— Школу эту. То нельзя, другое тоже нельзя. Что можно?

— Быстро ты сдался, — вновь усмехнулся он. — Я вот тоже мячи никак до спортзала донести не могу. Поможешь?

Мы потащили мячи в спортзал.

— Еще эта теперь рядом, — не выдержал я, — сумасшедшая.

— Кто такая? — рассыпая мячи по спортзалу, спросил дядя Наум.

— Да девчонка рядом села! — пнув мяч в ворота, пожаловался я. — Такая странная вообще.

— Э... брат, — присаживаясь на лавку, вздохнул дядя Наум. — Они все странные. Одни меньше, другие больше. Кто-то вообще сожрать тебя готов!

Я изумленно посмотрел на него. Неужели знает? Когда я проговорился? А слово пацана? Да нет... не мог я. Я ему вообще про Алису ничего не говорил. Папа ее, врач, с меня слово взял. Мама ее, бабушка, тоже. Нет. Не мог. Но дядя Наум ясно сейчас сказал «сожрать готовы».

— Все помешаны на вранье. Думают, им врут постоянно. Так что... ты, главное, этой Светлане Ивановне на глаза не попадайся. И этим двоим в учительской. Понял?

— А кто они?

— Стукачи.

— Кто?

— Совет общественности при школе. Активисты. Меня уже заложили. Смотри, ты тоже на примете.

— Понятно, — сказал я и схватил портфель. По всей школе раздался звонок, и здание ожило. Стали слышны шаги, топот, смех и радостные крики детей.

— Перемена, — сказал дядя Наум. — Пошли на улицу.

На школьном дворе кучками стояли школьники. Кто-то играл в классики, кто-то чертил кружки мелом. Первый урок в моей жизни закончился...

— Домой отпустили, — подошел ко мне Иваниди. — Щас Даву дождемся и пойдем.

Дава вышел на крыльцо с Махметовой. Алия была выше него на целую голову, мощнее и плечистей. Но это не помешало ей отдать свой портфель Пиркину. С двумя портфелями в руках Дава смахивал на интеллигентного грузчика или шофера, который за дополнительную плату решил донести багаж до дверей клиента.

— Да пошел он, — сказал я. — Бабник. Сами уйдем.

Школьники стайками растекались по улице, уходя каждый в свою сторону. Улица заполнилась бело-черным цветом, бантами и радостными криками миглом повзрослевшей детворы.

— Вон новенькая идет, — указал на другую сторону улицы Иваниди. — Которая с тобой сидела. Чего ты на нее орал?

— Портфель хотела, чтоб я нес!

— Правильно тогда! — одобрил Иваниди. — Сначала портфель, потом сожрут с потрохами.

— Тебе тоже дядя Наум сказал, — уже не удивляясь случайностям, перепрыгивая через лужу, спросил я. — Ты откуда это знаешь?

— Батя говорил, — важно ответил Иваниди, — я подслушал.

По той же тропинке, по которой и шли в школу, мы вернулись домой. Алиса шла параллельным курсом и не обращала на нас внимания. Дойдя до набережной, мы свернули в кусты, и я попросил Иваниди притормозить.

— Подожди, — выглянул я из кустов, — минутку!

Пока Иваниди обдирал боярку, я наблюдал, в какой двор свернет Алиса. Та прошла розовую девятиэтажку, повернула налево и остановилась возле серого пятиэтажного дома, смотрящего на центральный проспект. Покрутилась возле скамейки, срезала на бордюре прилипшую грязь с ботинок и внезапно обернулась в мою сторону. На секунду-другую мне показалось, что она меня видит. Но как? Расстояние приличное. Да и кусты! Алиса рукой разгладила юбку, развернулась и зашла в подъезд.

— Дого ешо Аишу паить бушь? — спросил Иваниди, забив себе рот ягодами.

— Выплюнь, — сказал я, — ничего не понятно.

Тот выплюнул ягоды, сломал себе ветку и стал сражаться со мной, размахивая ею словно саблей. Мне пришлось тоже отломить кленовый побег. Сражаясь, догоняя и убегая друг за другом, мы наконец пришли домой.

— Вечером у нас праздник!

— У нас тоже, — грустно ответил Иваниди. — Но вдруг не узнают?

— Не знаю, — пожал я плечами и зашел домой.

Вечером меня поздравляли. Хвалили и радовались!

— Первый полет засчитан! — светился от счастья папа. — Муратовы в космосе!

— Засчитан! — восклицал Бабай. — Дальше будет легче!

— Наша гордость, — целовала меня в лоб Абика.

И только мама молчала. Смотрела на меня и молчала, и то доставала мой портфель, то вновь убирала его на стул, задумчиво листая чистые тетрадки без промокашек...